

Стефан Газел

**Убить, чтобы жить. Польский
офицер между советским молотом
и нацистской наковальней**

«Центрполиграф»

Газел С.

Убить, чтобы жить. Польский офицер между советским молотом и нацистской наковальней / С. Газел — «Центрполиграф»,

В книге польский офицер правдиво рассказывает о жестокостях войны. О гибели миллионов ни в чем не повинных людей. Голод, скитания, жизнь без крыши над головой и надежды на завтрашний день... Автору, Стефану Газелу, удалось преодолеть множество препятствий, когда из Польши через Венгрию, Югославию и Францию он бежал в Англию. Газел был вынужден убивать, но лишь затем, чтобы выжить. И этот трагический опыт он пронес через всю жизнь.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Стефан Газел

Убить, чтобы жить. Польский офицер между советским молотом и нацистской наковальней

В Италии недалеко от Монте-Кассино есть кладбище, где похоронены польские солдаты, погибшие на поле брани. В центре кладбища установлен монумент, на котором выбиты слова на польском языке:

*«Свои души они отдали Богу,
Тела итальянской земле,
А сердца навеки Польше».*

Им, моим соотечественникам, убитым в Британии, на Атлантике, в боях за Европу и многих других боях, от Нарвика до Тобрука, от Фалеза до Эльбы, я посвящаю эту книгу.

Стефан Ф. Газел

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Мы стояли на опушке леса, тесно прижавшись друг к другу, брат, сестра и я, и, вцепившись в подол материнской юбки, смотрели на юг. Внизу в долине полыхали пожары. Наша усадьба, конюшни и скотные дворы, крестьянские дома, крытые соломой, – все было охвачено огнем. Время от времени слышались приглушенные взрывы и в воздух взлетала очередная горящая соломенная крыша. Вскоре уже все дома были объаты пламенем.

Налетевший ветер донес до наших ушей рев скота и ржание лошадей, мечущихся в стойлах, крики женщин, не успевших убежать в лес. Те, кто добежал до леса вместе с нами, смотрели на мою мать как на спасительницу. Это были одни женщины. Мужчин к этому времени либо арестовали, либо, как моего отца, мобилизовали в иностранную армию воевать на чужой войне, зачастую против своих соотечественников, также мобилизованных в армию *другого* вражеского государства, оккупировавшего *другую* часть нашей страны.

Окружившие нас женщины и дети не переставая плакали и кричали. Некоторые, обессиленные от слез, упали, и их слезы оросили сухую землю, а волосы спутались с густой травой.

Моя мать не кричала. Она молча смотрела на бушевавший в долине огонь, все крепче сжимая мою руку (я был самым младшим из детей), пока я не закричал от боли. Глаза ее были по-прежнему сухи, но губы шевелились, хотя и не издавали ни звука. Она говорила сама с собой. Наконец мать не выдержала и закричала:

– Звери! Убийцы! Безбожники! Вы отбираете у меня все, что я имела, но я еще отплачу вам! Бог свидетель, я отомщу! Вы будете гореть в аду! Вы будете умирать от мучительной смерти... всеми забытые... Пока жива, я буду бороться с вами и научу своих детей ненавидеть вас, мстить, жить и убивать!

Она обезумела от ярости. Я закричал. Ее вспышка напугала меня. Сейчас она не была похожа на ту нежную мать, какой я ее знал.

Но ее уже было не остановить – гнев и боль исказили ее лицо.

– Вы не ускользнете от нас... Вы можете убить сотни тысяч, но все равно останутся те, кто отыщет и убьет вас. Они будут убивать. Помогите нам Бог! – Погрозив кулаком невидимым врагам в долине, полностью скрывшейся в клубках дыма, она повела нас в лес. – Пойдемте, дети, вы должны жить, – только и сказала она.

Эти трагические события из моего раннего детства происходили во время Первой мировой войны. Мы жили на юге Польши, в деревне Газеловке, находившейся примерно в сорока километрах юго-западнее Кракова.

В то время Польша была поделена между тремя соседними государствами – Германией, Австрией и Россией, воевавшими друг против друга. Их армии хлынули в Польшу, сжигая деревни, грабя города, насилуя, убивая.

Остаток дня и ночь мы провели в лесу. Рано утром я проснулся от холода и голода. Огляделся. Брат и сестра еще спали, но матери рядом не было. Я закричал, и мой крик разбудил брата Антека (он был на шесть лет старше меня).

– Не кричи, малыш. Мама вернется, – сказал брат и обнял меня.

Я опять заснул, а когда снова проснулся, то увидел мать, шедшую к нам с тяжелым мешком на плече.

– Я принесла немного еды, – сказала она, – и одежду для вас. Мне удалось незаметно проскользнуть в темноте. Они, перепившись, спали мертвецким сном!

– Что с тобой случилось, мамочка? – спросил Антек. – Твоя кофта вся в крови.

– Я убила одного из них, задушила. Он спал в моей кровати, – ответила она и добавила: – Вот хлеб, сыр, сахар, ешьте, дети.

Мы уже давно не видели сахара и теперь с удовольствием принялись за еду. Я был еще слишком мал, чтобы понять, что произошло ночью в долине. Меня не испугало ее признание, но я заметил, что Антек смотрит на мать во все глаза, отмечая решительное выражение ее лица, гнев, горящий в ее глазах, пятна крови на кофте и как она смотрела на свои руки после того, как нарезала хлеб и сыр. Она поднесла раскрытые ладони к глазам, какое-то время пристально разглядывала их, а затем резко вытерла их об юбку, словно мокрые руки полотенцем, и произнесла:

– Бог должен простить меня, или в этом мире нет справедливости, – а затем, повернувшись к нам, добавила: – Поторопитесь, дети, пора в путь.

– Но я еще хочу есть и устала, – захныкала Лида.

Людмила была всего на год старше меня. Мы звали ее Лидой.

– Мы поедем позже... если будет что есть, – ответила мать. – Война всегда несет голод, дети. Мы все будем голодать, и одному Богу известно, сколько это продлится.

На протяжении двух лет, подобно тысячам жителей Южной Польши, мы бродили с востока на запад в зависимости от того, куда перемещался фронт. Жили в разрушенных сараях и домах, в подвалах разбомбленных зданий, в лесных хижинах, сделанных нами из ветвей, земли и камней. Бывало, сидели, прижавшись друг к другу, в поле или на лугу, дрожа от холода, промокшие, голодные, прислушиваясь к залпам орудий, которые разрушали деревни. Вечно голодные, боящиеся солдатни, мы постоянно задавались вопросом, где достать еду и где мы окажемся завтра, через неделю, через месяц.

Во время скитаний мы обзавелись весьма причудливым набором одежды. Как-то недалеко от линии фронта мы наткнулись на телегу, полную дорогой красивой одежды, награбленной где-то немецкими солдатами. Лошади и несколько солдат погибли при артобстреле. К сожалению, здесь была только женская одежда и ничего для нас с Антеком. Пока мать и Лида выбирали для себя платья, мы с Антеком сняли мундиры с мертвых солдат. Конечно, мундиры были слишком велики, особенно для меня, зато ночью мне было тепло, и я оставался сухим, когда шел дождь. В мундире были огромные карманы, и это было здорово, поскольку в них можно было хранить пищу.

Мы постоянно думали о еде. Холод, страх, отсутствие элементарных удобств отошли на второй план перед постоянным чувством голода. Все наши разговоры, все мысли были связаны с пищей. Пища была для нас всем. Пища означала жизнь, возможность прожить следующий день, неделю, месяц, пережить зиму или даже войну. Конец войны означал мир. А мир означал пищу.

Нет ничего странного, что все мои детские воспоминания связаны с мыслями о еде, об обилии еды. Мне снились тарелки с горячим супом, огромные куски хлеба и свинины. Как я ненавидел пробуждение! Я мечтал о еде. Эта мечта имела под собой реальную основу. Как-то зимой, голодные и дрожащие от холода, мы набрали в лесу на домик егеря, и его жена, сжалившись, поделилась с нами обедом. Увы, меня, отвыкшего от обильной еды, стошнило. Но даже это не смогло испортить мне неожиданный праздник. Ощущение от горячего супа со свиной оставалось самым приятным воспоминанием в течение последующих лет.

Постоянное чувство голода подсказывало нам, где вероятнее всего можно найти еду. Очень скоро мы поняли, что бывшие поля сражений – отличное место для наших поисков. Там всегда можно было найти что-то съестное, например у убитых солдат. Отступавшие армии оставляли смертельно раненных и мертвых лошадей. Орудия ножами, мы кромсали огромные туши и, отгаскивая свои трофеи – куски мяса, одежду, оружие, – испытывали торжество от удачной вылазки. Если было холодно, конина хранилась довольно долго, но в жару через пару дней от нее начинало исходить невыносимое зловоние. Мы варили конину на костре, наедались до полного изнеможения и, отдыхая после еды, радовались, что удалось набить животы.

Антек научился заманивать дичь в ловушку, обучив этому и меня. Иногда мы имели на обед зайца, куропатку, голубя или фазана. На полях мы выкапывали картофель и другие овощи, находили и жевали зерно, предварительно очистив, а летом собирали плоды дикорастущих фруктовых деревьев.

Одним словом, нам редко удавалось наесться досыта. Засыпали мы, думая о том, где бы завтра найти пищу и, главное, хлеб, который был для нас почти что недостижимой мечтой. Вскоре мы поняли, что каким бы голодным ты ни был, всегда должен оставлять часть еды на завтра, как белка, откладывающая запасы впрок. В мою юную голову так часто и упорно вдалбливали это, что у меня развился своего рода комплекс. Спустя годы я иногда ловил себя на том, что припрятаваю куски хлеба или другой еды, и, теряясь под пристальными взглядами друзей, стыдился признаться, почему так поступаю.

В один из дней, когда мне удалось досыта наесться, я впервые коснулся темы семейной истории. Все началось с того, что я спросил мать, есть ли у меня отец.

– Конечно, у вас есть отец, но сейчас он далеко, в армии.

– Почему же он ушел и оставил нас одних? – Мне было непонятно, как отец мог оставить нас в такое трудное время.

– Отец не хотел уходить. Его заставили! – ответил за мать Антек. Он хорошо помнил, как все произошло. – Его увели под конвоем. Он дважды сбежал, но в конце концов они его поймали. Ублюдки!

Как ни странно, мать не стала ругать Антека, хотя обычно стыдила нас, когда мы произносили бранные слова, которых нахватались у беженцев.

– Он вернется, мама?

– Да, вернется, конечно, вернется... Когда кончится война, – горячо заверила мать.

Стараясь говорить доступным для нас языком, она объяснила, что отец был мобилизован в русскую армию, а еще раньше умер дедушка, который «понес наказание» за то, что избегал военной службы в той же армии. Его за ноги привязали к повозке, которая промчалась по Газеловке. Когда повозка остановилась на другом конце деревни, дедушка был уже мертв – его голова была разбита, а лицо превратилось в кровавое месиво. О том, что наш прадед погиб во время одного из национальных восстаний, поднятых против немецких захватчиков, мать не считала нужным нам рассказывать, как и о том, что произошло с нашим фамильным домом. Ее гнев возрастал по мере рассказа обо всех несчастьях, обрушившихся не только на страну, но и на нашу семью, – эмоции переполняли душу. Выразительно жестикулируя грубыми, натруженными руками, она изливала всю накопившуюся ненависть к немцам, австрийцам и русским, виновным во всех наших бедах.

– Они все приложили руку, – заявила она, – но придет время – и Польша возродится. Пусть нам потребуется на это даже сотня лет! Вы должны помнить: мы будем бороться за Польшу! Бороться и убивать – делать то, что они делают с нами! Огнем и мечом мы избавим страну от них. Если не это, то следующее поколение освободит Польшу. Поэтому мы обязаны выжить. Мы должны жить – и убивать!

В эту ночь мне впервые не приснился суп со свиной и хлебом. Сон, навеянный рассказом матери, был тяжелым. Так в раннем возрасте я впервые убил, пока только во сне... или в ночном кошмаре?!

Глава 2

Конец 1918 года застал нас восточнее Львова. К этому времени мы, должно быть, прошагали тысячи километров, убегая от всех армий – немецкой, австрийской, русской, скрываясь, отступая, продвигаясь вперед, подобно фронтам, которые перемещались туда и обратно по югу Польши.

В один из дней мать объявила:

– У нас есть собственное правительство! У нас есть Польша! Дети, вы понимаете – мы свободны!

Мы пытались понять, хотя, честно говоря, не видели никакой разницы. Мы по-прежнему были голодны.

– Теперь мы можем вернуться домой, – сказала мать, словно дом был за углом, а не за несколько сотен километров отсюда. – Итак, завтра мы отправляемся домой.

Но на следующее утро мать начало трясти как в лихорадке. К вечеру она впала в бессознательное состояние. У нее началась пневмония, и организм, ослабленный голодом, не хотел сопротивляться болезни. Ей становилось все хуже и хуже, а мы ничего не могли поделать. Погода была на редкость морозной. Деревня, в которой мы остановились, хотя и располагалась всего в пятнадцати километрах от Львова, казалась оторванной от мира. Не было доктора, никаких лекарств, ничего, чем мы могли помочь матери. Кроме нас четверых, в деревне жила одна крестьянская семья. Единственная семья, оставшаяся в живых! Мы забились в уцелевшую комнату, все одиннадцать человек, не считая коровы.

Мы понимали, что мать умирает. Понимали, но не плакали – были слишком потрясены.

Неожиданно Антек заявил:

– Отвезем маму во Львов. Там найдем доктора. Мы должны это сделать, и мы это сделаем!

Положили мать на самодельные сани, накрыли соломой и обложили нагретыми на огне камнями, завернутыми в тряпки. Выехали ночью. Антек тянул сани, а мы с Лидой толкали сзади, иногда повисая на санях, чтобы перевести дыхание.

Мать не приходила в сознание. Порой нам казалось, что она умерла, и мы везем труп, но стоило ей застонать – и мы прибавляли ходу.

К утру добрались до Львова и нашли больницу, в которой доктор и несколько медсестер пытались оказывать помощь всем, кто в ней нуждался. Пока маму укладывали в кровать, мы с Лидой упали в обморок.

На следующий день, придя в себя, мы поняли, что лежим на кровати. Антек пояснил, что мы не больны, а просто перенапряглись.

– И мама будет жить, – добавил брат, – доктор сказал, что она выздоровеет.

Мать оставалась в больнице три недели, а мы – Антек, Лида и я – все это время жили в самых разных местах: на железнодорожных станциях, в подвалах, на полу больничной кухни, выпрашивая и ворую еду. Но вот пришло время, когда мать, все еще очень слабая, должна была выйти из больницы. Одна из медсестер разрешила нам занять угол в ее комнате, но прежде надо было пройти санобработку и избавиться от вшей. Все это было проделано в больнице. Нас помыли, обработали одежду, и после этого мы смогли поселиться в комнате медсестры.

Теперь у нас имелась крыша над головой, но по-прежнему оставалась «продовольственная проблема». Не было не только денег, но и ничего такого, что бы мы могли продать или обменять на продукты. И тогда у мамы созрела идея. Еще лежа в больнице, она развлекала всех гаданием на картах. Должно быть, она весьма успешно это делала, поскольку люди, уже после того как она покинула больничную койку, приходили к ней и просили погадать. Мать решила заняться гаданием и стала «мадам Сюзанной, ясновидящей». Даже в разрушенном войной городе нашлись люди, готовые платить, деньгами или продуктами, за ее предсказания.

Прошла весна, наступило лето, а мы все не могли тронуться в обратный путь, в нашу Газеловку. Была Польша, в Польше было правительство, но угроза таилась с двух сторон. Украинцы окружили и атаковали Львов, требуя присоединить его к Украине, которую собирались сделать независимым государством. В это время русские начали поход против Польши.

Нам удалось избежать осады Львова, но пришлось остановиться в маленьком городке, примерно в тридцати двух километрах севернее Львова. Лошадь, лягнув Лиду, сломала ей ногу. Местный «специалист» заявил, что возвращение домой откладывается на неопределенное время. В это время Сапезанка была уже занята большевиками.

Мы знали, что большевики вторглись в страну, но не ожидали, что они будут столь стремительно продвигаться на запад. Без особого предупреждения, без нарастающего грохота орудий, столь знакомого нам по прошлым годам, большевистская кавалерия атаковала город. Находившиеся в городе польские солдаты были либо застрелены, либо отступили, и началось массовое убийство гражданского населения.

Поначалу создалось впечатление, что затевается какая-то игра. Людей выводили из домов на рыночную площадь, затем, согнав всех в один угол, объяснили, что у них есть шанс спасти жизнь. Все, что от них требуется, – это перебежать в противоположный угол площади. Если красный кавалерист, который вступит в «игру» с середины площади, не поймает бегущих, они будут свободны и смогут разойтись по домам. Итак, «игра» началась.

Одного за другим мужчин, женщин, детей вытаскивали из толпы и после нескольких ударов плетью заставляли бежать. Первый человек, пытавшийся перебежать на другую сторону, был убит лихим кавалеристом, который, сидя верхом на лошади, свистя и улюлюкая, с саблей наголо, неожиданно появился на площади. Включившись в «игру», всадники выбирали новые жертвы. Кто-то бегал хорошо, некоторые пытались увернуться от сабли, но никому не удалось добежать до безопасного места. Пара кавалеристов под дружный хохот товарищей свалилась с лошадей, поскользнувшись на булыжной мостовой.

Потом красные решили, что глупо убивать всех женщин, поскольку их можно использовать для других целей. Осыпаясь проклятиями, кавалеристы, работая нагайками, отделили женщин и загнали в дома, продолжив «игру» с оставшимися мужчинами. Расправившись с последним из них, русские стали обходить лежащие на площади трупы и обмениваться впечатлениями об искусно нанесенных сабельных ударах. Так закончилась «кровавая пятница» в Сапезанке.

Нам удалось избежать страшного побоища. К тому моменту, когда русские дошли до дома, в котором мы остановились, мы спрятались в убежище, используемом хозяевами для хранения зерна и продуктов, скрывааемых от конфискации проходящими через город армиями. Крышка подвала, заляпанная грязью и торфом, сливалась с землей, и ее было практически невозможно обнаружить. Когда первые кавалеристы появились в окрестностях города, мы нырнули в убежище, с замиранием сердца вслушиваясь в доносившийся с поверхности шум. Стены сотрясались от топота лошадей. Сидя в крошечной тьме, мы вздрагивали всякий раз, когда копыто какой-нибудь из лошадей опускалось на крышку убежища. Наконец всадники уехали, во всяком случае нам хотелось в это верить, и мы немного приподняли крышку, чтобы оглядеться и впустить свежий воздух.

– Вроде никого нет, – оглядевшись по сторонам, сказала мать. – Надо запастись пищей и водой, пока они не вернулись. Вы остаетесь здесь.

– Я пойду с тобой, – твердо произнес Антек, – вдвоем нам будет легче управиться.

Они вернулись через несколько минут и принесли хлеб, свеклу и банку с водой. Кроме того, Антек притащил шинель. Расстелив ее на полу нашего временного убежища, мы наконец-то вытянули уставшие от долгого стояния ноги. А вот Лида все никак не могла угомониться, заявив, что ей неудобно сидеть. В кармане шинели она нашла какую-то вещь, и, когда мы приоткрыли крышку погреба, увидели, что у нее в руках пистолет, причем заряженный.

– Отдай его мне, – сказал Антек. – Он может пригодиться.

Два дня мы просидели в убежище, поднимая время от времени крышку, чтобы глотнуть свежего воздуха. Интересно, почему большевики не сожгли город? Мы уже привыкли, что вражеские армии первым делом разрушали города. Вскоре нам все стало ясно. Вечером красные вернулись и остались до утра. Они собирались разместиться в городе.

Мы не знали, сколько людей находилось в доме, рядом с которым мы прятались, но судя по шуму, около двух десятков человек. Днем они все, оставив одного присматривать за оставшимися лошадьми, куда-то ускакали верхом. Дежурный накормил лошадей, разломал часть мебели для растопки и взялся за приготовление пищи. Затем наступила тишина, нарушаемая только фырканием лошадей и криками петуха, вернувшегося с поля в поисках кур, которые к тому времени со свернутыми шеями висели на крючке, вбитом в стенку сарая. Охранник дремал.

В этот день мы не воспользовались благоприятной возможностью; у нас еще оставалась вода и немного еды. Но на следующий день вода закончилась, и мать решила на вылазку. Антек приоткрыл крышку и следил, как мать спокойно прошла мимо лошадей и подошла к колодцу. Пока все шло хорошо. Она медленно опустила ведро в колодец, набрала воды, поставив банку на край колодца, налила в нее воду и отправилась обратно. Неожиданно ведро сорвалось и, с грохотом разматывая цепь, упало в колодец. Мать застыла, а затем, услышав доносящиеся от дома проклятия и стук открываемой из кухни двери, бросилась бежать... и упала. Спустя мгновение над ней уже стоял русский солдат с зажатым в руке пистолетом.

– Ага! Женщина! Ух что я сейчас с тобой сделаю! Встать! – закричал он.

Мать не двигаясь застывшим взглядом следила за пистолетом в его руке.

– Встать, старая сука!

Мать по-прежнему не двигалась. Мы с Лидой начали кричать. Антек, выглядывая в приоткрытую щель, затрясся от страха.

– Вставай! – опять заорал солдат и пнул лежащую без движения мать.

Схватив мать одной рукой за волосы, он попытался с помощью увесистых пинков поднять ее с земли. Мать усиленно сопротивлялась и вдруг вцепилась двумя руками в пистолет и потянула насильника вниз. Но разве она могла справиться со здоровым мужчиной? Он нанес ей несколько сильных ударов по лицу, но она, почти теряя сознание, все еще держалась за пистолет. Внезапно солдат потерял равновесие, упал на землю, и мать тут же вцепилась ему в горло.

– Антек! Ан-т-е-е-к! Ан... – закричала мать, все крепче сжимая пальцы на горле врага.

Услышав крик, Антек быстро выбрался из убежища и бросился к матери с пистолетом, найденным Лидой в кармане шинели. Держа пистолет двумя руками, он стрелял в солдата до тех пор, пока не кончились патроны.

Тогда он отбросил пистолет и пнул солдата ногой. Тот застонал, пошевелился, попытался сесть, но неожиданно откинулся назад и затих.

Антек взглянул на мать. Она лежала без движения.

Мамочка! Мамуля! Вставай! – закричал брат. Мать не приходила в сознание. Тогда Антек брызнул ей в лицо водой, и она наконец-то пришла в себя. – Вставай, мамочка, нам надо спрятаться.

Мать увидела лежащий на земле труп и два пистолета и перевела взгляд на бледное лицо Антека. Ее лицо было в синяках и ссадинах, губы разбиты и кровоточили. Придя в себя, она тут же приняла решение:

– Нам нельзя здесь оставаться. Вернувшись, они все тут перевернут, чтобы найти тех, кто это сделал.

– Давайте похороним его, – предложил Антек.

– На это потребуется время, а у нас его нет.

– Тогда затащим его в подвал, – не унимался брат.

- Первым делом они будут искать именно в подвале.
- Может, засыпать его сеном?
- Нет, его тут же обнаружат.
- Ну так что же делать?
- Не знаю, но действовать надо быстро.

Мать все еще колебалась, когда со стороны города послышались выстрелы. Нельзя было терять ни секунды.

- Антек, помоги мне оттащить его.
- Куда?

– В наше убежище. Это единственное место, где его можно спрятать. Давай быстрее!

Мама с Антеком потащили труп, а мы с Лидой, как могли, помогали им. Наконец нам удалось подтащить труп к нашему убежищу. Мы столкнули тело вниз, следом спустились сами и закрыли крышку.

Однако мать что-то беспокоило. Снаружи все было тихо. Мы опять открыли крышку, и мать огляделась вокруг. Никаких признаков жизни.

– Пошли, – сказала она Антеку. – Ты разбрасаешь навоз по двору, чтобы скрыть кровь. Мне тоже надо кое-что сделать. Быстрее!

Они бросились во двор. Пока Антек разбрасывал по двору свежий конский навоз, мать занялась каким-то странным делом. Оседлала одну из лошадей. Потом вынесла из дома шинель-скатку и привязала ее к седлу. Открыла ворота и стегнула лошадь. Мы увидели, как лошадь умчалась куда-то вдаль.

Антек, закончив разбрасывать навоз, вбежал в дом и появился оттуда с наполовину копченым, наполовину жареным цыпленком. Мать наполнила водой кувшин. Наконец они вернулись в убежище.

- Почему ты так поступила с лошастью? – спросил Антек у матери.
 - Они решат, что он уехал. Могут посчитать, что он дезертир.
- Сидя рядом с человеком, которого убил, Антек засмеялся:
- Они повесят его, когда поймут, да?

Мы уже видели трупы; совсем свежие и еще теплые, и пролежавшие несколько дней, почерневшие или замерзшие. Несколько раз мы натыкались на трупы, пролежавшие какое-то время на солнце, распухшие, изглоданные червями. Видели трупы, ставшие добычей птиц. Да, все это мы видели раньше.

Но теперь, в крошечной тьме, рядом с еще не остывшим телом, мы испытывали совсем иные чувства. Мы не видели друг друга в темноте и не знали, о чем думает каждый из нас. Неожиданно раздались рыдания – плакал Антек.

- Я... я боюсь. Давайте немного приоткроем крышку, чтобы стало чуть светлее.

Мы слегка подняли крышку.

- Вы уверены, что он умер? – дрожащим голосом спросил Антек.

- Уверены, – ответила мать за всех.

Она заставила нас приподняться и накрыла труп шинелью.

– Неужели нельзя спрятаться в каком-нибудь другом месте? – спросил Антек дрожащим голосом.

Донесшийся стук копыт стал ответом на его вопрос. Мы быстро закрыли крышку и затаились. Снаружи донеслись крики и проклятия. Приехавшие искали охранника в сараях и под навесом, и наконец мы услышали: «Каков подлец!» Уловка с лошастью сработала.

После наступления темноты мы приоткрыли крышку убежища, не опасаясь, что нас обнаружат.

У нас были вода, хлеб и такая роскошь, как наполовину зажаренный цыпленок, но есть не хотелось. Стоило кому-нибудь из нас пошевелиться, как мы слышали под собой хлопающие

звуки. Но нам было просто необходимо время от времени подвигаться, чтобы размять занемевшее тело. Напряжение росло. Один за другим мы начали плакать. Мать пыталась шепотом успокоить нас, но мы уже не могли остановиться. Мы тряслись от рыданий, но боялись двигаться, чтобы не слышать страшных звуков. Рыдания становились все громче, Лида плакала уже взахлеб, и мать не сдержалась. Ее нервы тоже были на пределе.

– Замолчите сейчас же! – закричала она. – Замолчите, иначе накличете большевиков на свою голову.

На какое-то время мы успокоились, но так продолжалось недолго.

– Давай выйдем отсюда, мамочка, – стали канючить мы. – Давай перейдем в какое-нибудь другое место, но только выйдем отсюда. Ну пожалуйста!

Вероятно, ей не меньше нашего хотелось сменить убежище, но только в полночь мы рискнули выйти на поверхность. Мы тихо вылезли, закрыли крышку подвала и ползком стали выбираться со двора. Одна из лошадей, заметив движение, тихонько заржала, видимо решив, что сейчас ее будут кормить. Мы замерли, но вокруг стояла тишина. Мы выбрались через ворота и поползли в сторону полей.

– Еду забыли в подвале! – вскрикнул Антек, когда мы уже отползли на несколько сотен метров.

Но мысль о том, что убежище, ставшее могилой для русского солдата, может превратиться в нашу могилу, отрезвила нас. Никто не испытывал желания вернуться.

Мы проползли еще несколько сотен метров и только тогда встали на ноги. Мы не знали, куда идем, и думали лишь о том, чтобы уйти подальше от Сапезанки, нашего подземного убежища и спрятанного в нем трупа.

Шли по полю, освещенном редкими звездами и луной, продирались сквозь колючий кустарник, перешли вброд реку, поднялись на крутой склон и скатились с него в лес. Забрел рассвет. Мы не представляли, куда идем. Смертельно устали, были голодны и решили передохнуть. Найдя небольшое углубление под корнями вывороченного ветром дерева, застелили его лапником, легли, крепко прижавшись друг к другу, и заснули.

Глава 3

Меня разбудило солнце, светившее прямо в лицо. Было жарко. Мама еще спала. В животе бурчало от голода, и я стал думать, где бы найти что-нибудь съедобное. Только я решил внимательно осмотреться вокруг, как замер от страха. С края ямы, в которой мы спали, на меня смотрел мужчина. Я видел только его голову в синей конфедератке.

Я так испугался, что напрочь лишился голоса. Единственное, на что меня хватило, так это толкнуть плечом мать. Она мгновенно проснулась, увидела мужское лицо, и я почувствовал, как она сжалась от страха.

Тут человек вскочил на ноги и, наведя на нас винтовку, закричал по-русски:

– Руки вверх!

Мы подняли руки. Лида все еще спала.

Дрожащим голосом мать сказала:

– Стефан, растолкай ее.

Мужчина явно растерялся, увидев перед собой женщину, всю в синяках и ссадинах, и маленьких детей, грязных и одетых в лохмотья. Он опустил винтовку.

– Я решил, что вы большевики, – сказал он по-польски.

Мы опустили руки. Лида так и не проснулась.

– Кто вы? – спросила мать.

– Солдат.

– Какой армии?

– Армия генерала Халлера. Я поляк, из Америки.

– Мы тоже поляки, – пропищал я, – причем голодные.

– Это я понял. А откуда вы идете?

– Мы убежали из Сапезанки. Там большевики, – объяснила мать. – Мы пробираемся в основном по ночам.

Солдат вынул что-то из кармана и протянул мне:

– На, попробуй. Это шоколад из Америки.

Я осмотрел маленькие коричневые прямоугольники со всех сторон.

– Любишь шоколад? – спросил солдат.

– Не знаю. Никогда раньше не видел.

– Ну так попробуй.

Я последовал его совету. Как вкусно! Мы съели весь шоколад, и грязь на моем лице стала коричневого цвета. А вот руки были чистыми: я облизал все десять пальцев и ладони. Жаль, что у меня всего десять пальцев. Вот бы иметь по десять пальцев на каждой руке!

За несколько дней, проведенных вместе, мать все узнала об армии Халлера. Генерал Юзеф Халлер сформировал армию из поляков-эмигрантов. Они приехали, чтобы помочь польской армии противостоять большевистскому вторжению.

Именно тогда я впервые встретил Томаша. В то время он был лейтенантом и очень помог нам. Мать сказала, что он из нашей деревни, но мы не помнили его. Юнгой он уплыл в Америку, устроился там, а теперь вернулся в Польшу вместе с другими добровольцами. У него всегда были полные карманы шоколада. Он был хорошим человеком и прекрасно относился к нашей матери.

Томаш достал для нас лошадь, телегу, одеяла, а еще раздобыл (о чудо!) консервы, печенье и даже примус. Он объяснил матери, по какой дороге безопаснее ехать на запад, и несколько миль проехал вместе с нами. Мы были ему очень благодарны!

Мы ехали в Газеловку. Какое это было счастье! После двухлетних скитаний, забыв, что значит спать в чистой постели и есть из тарелки, мы наконец-то возвращались домой. Вечно

голодные и замерзшие, мы ели только тогда, когда удавалось что-то найти. Мы жили словно дикие животные, на которых постоянно ведется охота. У нас развились животные инстинкты. Мы стремились выжить даже тогда, когда, казалось, не было никакого смысла цепляться за жизнь и когда шансы на выживание практически равнялись нулю.

Все наши чувства сосредоточились в любви и преданности друг к другу, о которых мы никогда не говорили вслух, и... в ненависти. А вот ненависти было в избытке, и о ней мы говорили много и ожесточенно. Эта ненависть родилась из любви каждого поляка к своей родине. Ни пропаганда, ни образование, ни воспитание не влияют на патриотические чувства поляков: они рождаются патриотами. Именно благодаря патриотизму у поляков появилось желание жить, несмотря на все несчастья, и стремление убивать, чтобы выжить.

Осознание этого пришло, конечно, много позже, уже в зрелые годы. А пока я возвращался домой, и слово «дом» ассоциировалось у меня с продуктовым изобилием и мягкой, теплой постелью.

Даже при том, что теперь мы ехали на телеге, запряженной лошастью, нам потребовалось несколько недель, чтобы добраться до Газеловки. По сравнению с нашим двухлетним странствием на восток пешком это путешествие казалось необыкновенно приятным, несмотря на то что мы ехали по опустошенной войной стране, редко ночевали под крышей и по-прежнему испытывали чувство голода. Зато нам не приходилось прятаться от вражеских солдат. Нет, война с большевиками продолжалась, но мы ее оставили позади, и, хотя воспоминания о Сапезанке время от времени посещали нас, мы все больше думали о будущем.

Жарким летним днем 1919 года мы въехали на холм, с которого можно было увидеть нашу деревню. Мы остановились под тремя старыми липами, в ветвях которых гудели тысячи пчел. Заслонив глаза от солнца, всматривались в лежащую перед нами долину.

– Дети, смотрите, все как прежде. Ничего не изменилось, – воскликнула мать.

Долго мы простояли в тишине, пока Антек не нарушил ее вопросом:

– А где церковь? Я ее не вижу.

– Сожжена. Разве ты не помнишь? – ответила мать.

– А дома?

– Сожжены. Ты что, забыл?!

– И усадьба?

– Усадьба осталась. По крайней мере, ее стены. А теперь вперед, дети!

Мы скатились с холма в облаках пыли, переехали вброд речку и выбрались на другой берег, не встретив ни единой живой души. В деревню въехали, так никого и не встретив, хотя из двух полуразрушенных домов поднимались струйки дыма. Проехали по аллее, обсаженной тополями, объехали пруд и остановились у крыльца.

– Вот мы и дома, дети, – в волнении произнесла мать.

Не много осталось от нашего дома. Перед нами был только его остов. В пожаре выстояли кирпичные стены да часть крыши. Двери, окна и полы сгорели, а может, их использовали как топливо. В углах комнат в кучах щебня и пепла росли сорняки. Надворные постройки были не в лучшем состоянии.

– Дом разрушен. Но это единственный дом, который у нас есть. Дети, мы остаемся.

Мы остались и выстояли, хотя были моменты, когда мать теряла силы от перенапряжения. Приходилось опять начинать жизнь на пустом месте.

Земля была, но на ней росли только сорняки, и не хватало рук, чтобы обработать ее. Мы нашли плуги и бороны, но из рабочего скота у нас была только одна лошадь, на которой мы приехали домой. Не было ни семян для посева, ни картошки для посадки, ни удобрений.

Крестьяне в нашей деревне были в таком же положении. Пережившие вторжение вражеских армий, они возвращались в деревню со всех концов страны и сталкивались с теми же проблемами. Они ждали помощи от нас. Но чем мы могли им помочь?

Теперь мы не зависели от погоды: две комнаты были приведены в состояние, пригодное для нормальной жизни. И конечно, мы позаботились о лошади, сделав ей некое подобие стойла. Никто из нас никогда не занимался столярным или плотницким делом, но «необходимость – лучший учитель», как говорит польская поговорка, и мы познали ее на собственном опыте.

Мать опять вернулась к гаданию, получая в качестве платы несколько яиц, хлеб и курицу. Хлеб мы съели, а яйца подложили под курицу, и она вывела цыплят. Вид желтых пушистых комочков, копошащихся во дворе, привел всех в отличное настроение. Они были для нас признаком возрождающейся жизни.

– Если бы мы смогли достать зерно для посева, – размышляла мать, – то в следующем году у нас был бы хлеб. Ох, хоть бы отец поскорее вернулся домой...

Но отец не возвращался. В ответ на многочисленные запросы мы наконец получили официальное письмо. В нем говорилось:

«С прискорбием сообщаем, что, по установленным данным, Антон Газел из Газеловки Краковского уезда казнен немцами на Силезском фронте как один из организаторов подразделений независимой польской армии, сформированных после разгрома австрийской армии. Он похоронен в общей могиле, о точном местонахождении которой вам будет сообщено позже».

Я не помнил отца, но плакал, потому что видел, что плачут остальные. Отца забрали в армию, когда я еще лежал в колыбели. Я плакал, потому что мы надеялись на его возвращение, считая, что все сразу изменится к лучшему, стоит нашему отцу вернуться домой. Теперь я понял, что он никогда не вернется, и я буду одним из тех, кого называют «военные сироты». Я ненавидел эти слова, и на это были свои причины.

Я плакал еще и потому, что мать, перечитав несколько раз письмо и плача вместе с нами, занялась делами, словно ничего не случилось. Но неожиданно она разрыдалась и бросилась в истерику на кровать. Мы замолчали; мы уже просто не могли плакать. Мать пришла в себя только поздно вечером. Она позвала нас и, глядя воспаленными глазами, сказала:

– Послушайте, дети. Если бы отец вернулся, все стало бы намного проще. Но теперь нам придется все делать самим, чтобы не умереть от голода в собственном доме. Мы будем жить. Мы будем жить, с Божией помощью мы будем жить! И когда-нибудь мы отомстим, если не это поколение, то следующее. Вы должны помнить об этом! Я никогда не буду учить вас милосердию, дети, никогда!

Наступили голодные годы. С 1919-го по 1921 год мы существовали в основном благодаря нашему с Антеком умению заманивать в ловушку и убивать дичь. Но не всегда нам сопутствовала удача. Олени стали очень пугливы, куропатки исчезли, как, впрочем, и зайцы, которых раньше в наших местах водилось несметное количество. Мы опять голодали. У нас была земля, но не было сельскохозяйственных орудий и домашних животных.

В конце 1921 года в деревне появился Томаш. Он часто навещал нас в ту зиму, а весной женился на нашей матери.

После этого наши дела заметно улучшились. Томаш, провернув какие-то операции, в которых мы ничего не понимали, получил деньги из Америки, где он жил до войны. Благодаря этому мы наняли рабочих, купили несколько коров и лошадей. Газеловка ожила. Мама, которую в течение нескольких лет мы видели только уставшей и озабоченной, стала чаще улыбаться."

Антек уехал учиться в Краков, а мы с Лидой ездили верхом на нашей старой лошади в местную школу, расположенную в нескольких километрах от Газеловки.

Я не отличался прилежностью. Мне гораздо больше, чем сидеть за партой, нравилось гулять по лесу, наблюдать за животными и птицами, брести по их следам, проверять гнезда, свитые на деревьях. Я влезал на самые высокие деревья, удобно устраивался в развилке ветвей

и мог часами мечтать, следя за плывущими облаками, пока какая-нибудь птица, недовольная моим присутствием рядом с ее гнездом, не начинала выражать свое отношение к незваному гостю резкими криками.

В 1924 году мать, Лида и я поплыли в Америку, куда несколькими месяцами раньше отправился Томаш. Дело в том, что все деньги Томаш израсходовал на восстановление нашего имения, а сделать надо было еще очень много. Требовались средства. Поэтому Томаш, который все еще оставался американским гражданином, решил вернуться в Америку, заняться подрядной работой и за несколько лет заработать деньги, в которых так все нуждались. Мы уехали, поручив хозяйство брату Томаша. Антек остался в Кракове на попечении тети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.